

Глава 1

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Г. С. БАТЫГИН

В современной историографии утверждается несправедливый взгляд на российскую общественную мысль как чередование взлетов к запредельным истинам и падений в бездны обскурантизма и невежества. Черно-белая оптика вынуждает относиться, например, к «серебряному веку» с заданным изумлением и, напротив, презирать семидесятилетний период господства советского марксизма как время тотального мрака и лжи, которое надо бы поскорее вычеркнуть из памяти как дурной сон. Казалось бы, этому есть все основания. Типичное свидетельство об этом периоде оставил Льюис Фойер, побывавший в Советском Союзе в 1963 году: единственные светлые пятна в обстановке непрекращающегося кошмара представляли собой свободомыслящие грузинские обществоведы и неофициальный философский кружок студентов МГУ, существовавший по недосмотру КГБ [46, с. 47].

Наша задача — показать непрерывность российской социологической традиции, никогда не замыкавшейся в рамки академической доктрины, а являвшей собой некое подобие идейной химеры — не вполне артикулированного порыва-мироощущения и практики оперирования человеческим материалом. Унаследованная от немецкого интеллектуализма приверженность категориям диалектики, дух отчаянного марксистского философствования, эзотерический жаргон и риторические фигуры массовой пропаганды придавали идее-монстру неповторимое внутреннее очарование. Эта идея может не нравиться, но вычеркивать ее из истории не следует. Кроме идей исключительное значение для понимания российской и советской социологии имеет история людей — профессионального сообщества — и научных учреждений, составляющих важный элемент системы «институционального плюрализма», включающей неформальное распределение власти, взаимодействие и борьбу интересов [49, с. 22-24], которая оказала серьезное влияние на реформирование политического режима.

§ 1. Рационализация нигилизма

Отличительная черта российской социологии — ее исключительное влияние на общественную и политическую жизнь. История не знает другого такого подчинения человеческого сообщества теоретической схеме. Что же касается тематической программы и основных теоретических ориентации, то российская социология в полной мере наследует западную традицию просветительского миллениаризма, соединяя ее с мистической верой в исключительность «русского пути».

Эталон социологического интеллектуального этоса явлен в марксистской доктрине, получившей значительное распространение в ее либеральной и революционаристской версиях среди русской интеллигенции в конце XIX — начале XX вв. К этому времени Россия уже имела более чем столетнюю традицию секулярной общественной мысли [48]*. В царствование Екатерины II был задуман и осуществлен грандиозный социальный эксперимент в духе Фенелона и Руссо по воспитанию «новой породы людей» в закрытых учебных заведениях. Разработка проектов социального переустройства России продолжалась и в царствование Павла I и Александра I. Возникновение «научного направления» в российской общественной мысли можно приблизительно датировать шестидесятыми годами XIX столетия. Тогда появились первые публикации по вопросам социологии, где развивалась позитивистская программа. Открытие органического единства мира и натуралистический постулат о закономерном развитии общества произвели сильное впечатление на русскую демократическую интеллигенцию. Сотни социологических статей увидели свет на страницах общественно-политической периодики [4], [11]**. Принятие социологической точки зрения, как правило, означало выражение интеллектуального протеста против архаичных социальных институтов. Можно сказать, что российская социология институционализировалась примерно тогда, когда И. С. Тургенев встретил в поезде молодого врача, который поразил его воображение как новый социальный тип «нигилиста». Так родился образ Базарова. Российская социология стала своеобразной рационализацией нигилизма, изначально посвятив себя критике несовершенного устройства общества и поиску социального идеала. Возвышение «социологического бога» произошло на фоне десакрализации общественной жизни

* Более ранний период представлен в работе [21]. Либеральное направление русской социологической мысли в XIX — начале XX вв. рассмотрено в [26].

** Исчерпывающий обзор дореволюционной социологической периодики выполнен в [И]. Сведения о персоналиях содержатся в [4].

и государства, публицистического активизма и появления «критически мыслящих личностей» с болезненным самолюбием.

Возможно, рецепция позитивистских идей затронула лишь поверхностный пласт русской духовной жизни, в которой всегда был укоренен поиск предельных оснований истины, добра и справедливости. Идеология русской религиозно-мистической избранности была представлена в сочинениях славянофилов. В 1869 г. вышла знаменитая книга Н. О. Данилевского «Россия и Запад», где была развернута идея пространственной и временной локализации культурно-исторических типов. Через пятьдесят лет эта идея получит новое рождение в шпенглеровском «Закате Европы». Мощную альтернативу позитивистскому идеалу социологии создавала религиозно-философская мысль (Ф. Ф. Голубинский, В. Н. Кудрявцев-Платонов). В. С. Соловьев предпринял оригинальную, попытку проинтерпретировать контовское понятие «Grand Etre» в сорборном ключе. Гегелевская школа в теории государства и права была представлена сочинениями «либерального консерватора» Б. Н. Чичерина. Позднее заметное место в русской общественной мысли занимала неокантианская методология (П. Б. Струве, Б. П. Кистяковский, П. В. Новгородцев, С. Л. Франк). Однако право называться социологами принадлежало по преимуществу сторонникам «позитивной науки».

Параллельно с теоретической социологией в дореволюционной России развивались социальные и статистические обследования, проводившиеся земствами — органами местного самоуправления. Земская статистика изучала имущественное положение и хозяйственную деятельность крестьян и фабрично-заводских рабочих, социальную структуру населения, жилищные условия, образование, санитарную культуру. К началу XX в. систематические обследования велись в семнадцати губерниях Российской империи. В некоторых регионах проводились сплошные переписи крестьянских хозяйств.

Ко времени революции 1917 г. в России были созданы первые социологические учреждения. Перспективная социальная программа разрабатывалась в Психоневрологическом институте в Петербурге. Основой программы стала идея В. М. Бехтерева о научном управлении поведением на основе рефлексологии (термин, эквивалентный «бихевиоризму»). В институте существовала кафедра социологии во главе с М. М. Ковалевским и Е. В. Де Роберти, которые опубликовали несколько сборников статей «Новые идеи в социологии».

Исключительную роль в российской социологии было суждено сыграть марксизму — доктрине, обладавшей мощным эпистемологическим и идеологическим потенциалом. Распространение марксизма было предуготовано прогрессистским настроением общественного сознания и верой в «естественные» закономерности. «Для взоров Маркса люди

складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто, кроме этого мерного движения социологических элементов, в истории ничего не происходит, и это упразднение проблемы личности есть основная черта марксизма,» — писал С. Н. Булгаков [6, с. 9].

Первые попытки дать систематический социологический синтез концепций О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса принадлежат Н. К. Михайловскому — основателю «субъективной школы» в русской социологии. Полемика между представителями органического, психологического и материалистическо-экономического направлений совмещалась в России с доминирующим стремлением установить универсальные закономерности общественной эволюции, прогрессистским эсхатологизмом и критическим активизмом в широком диапазоне: от либерального реформаторства до политического терроризма. Во всяком случае, вера русской интеллигенции в научное переустройство общества стала существенной предпосылкой победы марксистского социологического мировоззрения. Д. Хеккер пронциательно заметил в 1915 г., что русская социология являет собой теоретический аспект динамическо-прогрессивных сил русского народа [48, с. 286].

После революции 1917 г. наряду с марксистским учением активно развивалась социологическая мысль русских либералов. Вышли книги К. М. Тахтарева, В. М. Хвостова, В. М. Бехтерева, П. А. Сорокина, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина. Появились прообразы социологических институций. «Русское социологическое общество имени М. М. Ковалевского», созданное в 1916 г., собиралось эпизодически, так же, как и «Социологический институт», где читали лекции К. М. Тахтарев, Н. А. Гредескул, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин и другие [38]. В 1922 г. стала создаваться система идеологических и теоретических институтов большевистской власти. Созданная при Наркомате просвещения «комиссия Ротштейна» атаковала «буржуазную профессию», которая на протяжении 1920-х гг. вытеснялась из высших учебных заведений. С этого времени немарксистской социологии в России в явном виде не существовало. Некоторые интеллектуалы были высланы за границу, оставшиеся были репрессированы, либо адаптировались к режиму. Социологическая тематика разрабатывалась в исследовательских и учебных учреждениях правящей партии, среди которых ведущую роль играли Институты красной профессуры [16, с. 96-112].

§ 2. Советский марксизм и социология

Принципиальное значение для последующего развития советской версии марксизма имеет категориальный ряд, который в данном случае может считаться домом научной дисциплины. Летом 1894 г. *В. И. Ле-*

нин в полемике с Н. К. Михайловским и другими авторами журнала «Русское богатство» дал каноническое определение «научного метода в социологии»: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как ничем не связанные, случайные, «Богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [23, с. 139]. Эта цитата предопределила устойчивую позицию «социологии» в общественнонаучном репертуаре советского марксизма.

Следует обратить внимание на соотнесение Лениным диалектического метода с научно-органическим воззрением на общество (такая трактовка диалектики встречается только у раннего Ленина и после открытия им «Науки логики» никогда уже не воспроизводится): «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм, для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [23, с. 165]. Ленинские формулировки требуют дополнительного комментария. Термин «социология», несмотря на последующие коллизии внутри марксистской теории, уже нельзя было устранить из концептуального лексикона. «Социология» трактовалась Лениным в 1894 г. несколько наивно — он не подозревал, что «научность» не может не войти в диссонанс с экзальтацией классовой борьбы. Социология оказалась неспособной поддержать романтический революционный порыв в силу своей склонности рассуждать и рационализировать. Ленин, вероятно, чувствовал ненадежность «социологии», ее скрытую внепартийность и «буржуазный объективизм» и избегал этого слова. Если у него и сохранились какие-либо иллюзии насчет «научности», то они окончательно рассеялись в 1909 г., когда авторитетный теоретик марксизма А. А. Богданов дал социологическое объяснение материалистическим «вещам в себе» и предложил «эмпириомонистическую» версию марксистской науки, впоследствии развитую им в «тектологию» — всеобщую организационную науку [5, с. 215-242].

Русская интеллигенция была одержима научностью. Эта романтическая эйфория достигла максимума в первые годы революции. Весь мир рассматривался тогда как материал для социологического преобразования, а несовершенство мира приписывалось в значительной степени социологическому невежеству. Именно этим обстоятельством П. А. Сорокин мотивировал необходимость преподавания социологии. В 1919 г. он писал: «Благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствиями, берущими начало в общественной жизни людей. Мы не умеем глупого делать умным, преступника — честным, лентяя — трудолюбивым... Люди продолжают грызться друг с другом... Только тогда, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями» [37, с. 19].

В первые годы социалистического строительства активно развивались социология растительных и животных популяций, фрейдомарксизм и педология; отошедший от большевиков Богданов вынашивал идею «физиологического коллективизма» на основе всеобщих обменных переливаний крови; Психо-неврологический институт продолжал разрабатывать методы рефлексологического воспитания личности. В основе этой программы лежала вера, что «полное торжество пролетариата будет полным торжеством чистой науки» [44, с. 4]. В рамках «научного направления» советского марксизма были развиты идеал технической рациональности и представление о коммунистическом обществе как совершенной технической системе. Миф о технике был внедрен в центральный постулат марксизма о всемирно-исторической миссии пролетариата: «никакое божественное предвидение и никакое человеческое духовное превосходство не в силах преградить рабочим путь к господству над миром, если техника превращает их в материальных и духовных владык мира» [12, с. 21]. Аналогичная программа революционно-технического преобразования мира была представлена эксцентричной инженерно-социологической утопией А. К. Гастева. Нередко социологический редукционизм приобретал экстремистские формы. Одиозная редукционистская интерпретация марксистской идеи была предложена Э. Енчменом, который ставил целью разоблачить классовую сущность «душевных явлений». Он предпринял отчаянную атаку на «эксплуататорские воззрения» столь разных авторов, как Н. И. Бухарин, В. Н. Сарабьянов, А. М. Деборин и призвал рабочих уничтожить кафедры философии и психологии как орудия эксплуататорского обмана. Социологический идеал коммунизма представлялся Енчменом как «единая система органических движений» [13, с. 80, 82]. В западной

общественной мысли нечто похожее можно найти в инженерно-поведенческой утопии Б. Скиннера «Уолден-2».

Последовательная социологическая интерпретация марксистской теорий была выдвинута в начале 20-х гг. *Н. И. Бухариным* и подвергнута довольно жесткой критике со стороны Ленина, который оставил свои маргиналии на книге Бухарина «Экономика переходного периода». Написанные в мае 1920 г., эти заметки оставались известными лишь узкому кругу лиц в Социалистической академии до сталинской победы над Бухариным в 1929 г. [24, с. 16]*. Они имеют принципиальное значение для понимания воззрений «позднего» Ленина на «социологию» и, кроме того, проясняют теоретические и политические мотивы попыток заклеить слово «социология» как «опошленное буржуазными учеными». Ленин испытывал откровенную неприязнь ко всей богдановской «тарабарщине». Книгу Богданова он прочитал в начале мая, а через недели три ему в руки попала бухаринская работа, где он без труда распознал влияние «организационно-социологических» идей Какова же была реакция Ленина на слова «социологический», «социология» и т. п., которыми была наполнена бухаринская работа? Эти слова подчеркивались и комментировались типичными ленинскими маргиналиями: «уф», «ха-ха», «эклектизм», «караул» и т. п. В одном месте имеется развернутое суждение, не оставляющее сомнений в отношении Ленина к обсуждаемому здесь термину: «Вот это хорошо, что "социолог" Бухарин наконец (на 84 странице) поставил в иронические кавычки слово "социолог"! Bravo!» [24, с. 16] Впоследствии этот материал использовался, чтобы противопоставить ленинскую «партийность» и бухаринскую «социологию» (и вообще, «научность»). «О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский!», — иронизировал Ленин, читая рассуждения Бухарина. К тому времени он никогда не вспоминал свои «научно-социологические» определения 1894 г. Бухарин не учел критику Ленина и предпринял новую попытку разработать «социологию марксизма» в книге «Теория исторического материализма». Социологическая концепция Бухарина исходила из того, что «практическая задача переустройства общества может быть правильно решена при научной политике рабочего класса, то есть при политике, опирающейся на научную теорию, которую пролетарий имеет в виде теории, обоснованной Марксом» [7, с. 8]. Разгром бухаринской «ереси» стал поводом для активной борьбы против «абстрактного социологизма» и «механицизма» на протяжении 30-х гг.

Действительно, «пролетарская социология» была идейной химерой. Исторический материализм не мог не возненавидеть свою «научность»,

* Отношение Ленина к бухаринской социологии кратко освещается в [19, с 128].

явленную в «социологической закономерности». Поэтому социологическая теория «равновесия вещей, людей и идей» изначально была обречена на то, чтобы стать ересью.

Укажем еще одну точку отторжения (точнее, любви—вражды) философского и социологического импульсов в советском марксизме. С одной стороны, следует представить «диалектику», которой столь блестяще владел Ленин. Гибкость, относительность и неуловимость диалектического мышления превращали исторический материализм (несмотря на видимую отчетливость его формул) в нечто таинственное и непредсказуемое. Отсюда и эзотерическая лексика исторического материализма. Исторический материализм — это, кроме всего прочего, поэтика революционного подвижничества и страдание от невозможности высказать себя до конца. Социология же своей устремленностью к «закономерностям функционирования и развития» с идиотской откровенностью делает тайным явным и профанирует революционную романтику в рационализированных схемах. При этом социолог может успешно играть роль «Неистового Роланда». Таким и был Бухарин. Он вполне логично и наивно предположил, что при капитализме генеральная линия пролетариата направлена на взрыв «общественного целого», а диктатура пролетариата при социализме направлена на укрепление единства «общественного целого».

Особую роль в разгроме бухаринской социологической школы сыграло «философское руководство» конца 20-х гг. во главе с А. М. Дебориным. В частности, Н. А. Карев попытался квалифицировать социологию как буржуазную науку [15]. Уничтожив бухаринскую социологическую ересь, группа Деборина вскоре сама стала объектом политических репрессий. Деборинцев стали называть «меньшевистствующими идеалистами», и «социология» восстановила свои позиции в теоретическом словаре советского марксизма. В 1936 г. в журнале «Под знаменем марксизма» разъяснялось, что марксистская общественная наука — это и есть социология, и нет никаких оснований считать данное слово опошленным буржуазными учеными [17, с. 110]. И, самое главное, было установлено, что слово «социология» употреблено И. В. Сталиным «в положительном смысле» [41, с. 532].

К осени 1946 г., когда в кабинетах Кремля обсуждались планы новых политических преследований, в Институте философии Академии наук появилось социологическое подразделение — сектор, которым руководил профессор М. П. Баскин. Программа сектора социологии выражена в его протоколах следующим образом: «Теперь, когда введено слово «социология», очень важно отбросить архивные категории социологии. Нужно взять плоть и кровь материалов по социологическим учениям...» [1]. М. П. Баскин занимался изучением и критикой за-

рубежных социологических концепций и получал сверхмощную поддержку со стороны начальника Управления пропаганды ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрова и в то время высокопоставленного чиновника Министерства иностранных дел СССР Ю. П. Францева. Александров, Францев и Баскин активно публиковали статьи с анализом и критикой западных социологических концепций в научной и политической периодике. В эту группу входил и П. Н. Федосеев, возглавлявший теоретический журнал партии «Большевик». Собственно говоря, роль Баскина заключалась в том, чтобы обеспечивать «социологический триумvirат» реферативным материалом и поддерживать научную респектабельность публикаций.

§ 3. Модернизация советской социологической доктрины в 1950-е годы

В конце 1940-х гг. окончательно сложился жанр «критики буржуазной социологии». Если не принимать всерьез оскорбительных выпадов в адрес «буржуазии», можно сказать, что благодаря тщательному реферированию иностранной литературы в рамках этого жанра осуществлялась интенсивная рецепция западной общественной мысли. Многие «критики» на протяжении по меньшей мере четырех послевоенных десятилетий составляли интеллектуальный бомонд. Они имели возможность читать западные книги и периодические издания. Контингент социологов-профессионалов сформировался во второй половине 50-х гг. большей частью из тех, кто владел английским языком.

В 1950 г. в советском марксизме возникло словосочетание «конкретные исследования». Речь шла об изучении «реальной жизни людей», преодолении «догматизма, талмудизма и начетничества». В статье Ф. В. Константинова был сформулирован принципиальный для советской социологии вопрос: не грозит ли это «ползучим эмпиризмом»? «Наоборот, — отвечает автор (с 1951 г. — директор Института философии Академии наук СССР), — общетеоретические и конкретные исследования будут взаимно питать друг друга. Получится своеобразное разделение труда» [17, с. 11]. «Конкретные исследования» не шли дальше проведения философско-пропагандистских конференций на передовых промышленных предприятиях (московские заводы «Калибр», «Каучук», «Красный пролетарий»), но зато в научных статьях стали все чаще появляться фактические сведения о становлении личности рабочего, преодолении пережитков прошлого, трудовом героизме. Это была уже «качественная» версия эмпирической социологии, своего рода «исследования случая».

Исключительно важную роль в становлении советской социологии в 1950-е гг. сыграли заграничные контакты философского руководства и

сопровождающих лиц. В 1956 г. энергичные шаги по установлению сотрудничества с Академией наук были предприняты ЮНЕСКО. Впервые советская делегация во главе с П. Н. Федосеевым участвовала во Всемирном социологическом конгрессе (Амстердам, август 1956 г.). Проблемы социологии стали постоянно обсуждаться на ученых советах, и осенью 1956 г. впервые прозвучало еще нереальное требование создать социологический журнал. Идея эта принадлежала М. Д. Каммари [8, с. 223].

С 1957 г. началась дискуссия о соотношении исторического материализма и социологии. Не вполне ясно, какие обстоятельства вызвали опубликование в журнале «Вопросы философии» статьи Юргена Кучинского «Социологические законы», в которой предлагалось разделить проблематику социологии и исторического материализма [20]. Началась полемика, в результате которой вопрос о положении социологии в системе марксистского обществоведения стал обсуждаться открыто. Возражения Кучинскому, по свидетельству В. Ж. Келле, были связаны с несвоевременностью противопоставления социологии историческому материализму, которое могли использовать «догматики» для того, чтобы «загубить развитие конкретной социологии в стране». «Социология в наших условиях, — пишет Келле, — могла развиваться, только признавая исторический материализм как свою методологическую основу» [50]*.

На международном совещании социологов в Москве в январе 1958 г. термин «социологические исследования» был освящен академической властью [42]. В определенной мере это была пропагандистская декларация, рассчитанная на западных визитеров Т. Маршалла, Ж. Фридмана, Т. Боттомора, П. Холландера, Э. Хьюза, Р. Арона, Г. Шельски и др., однако имеются достаточно весомые основания считать, что влияние хрущевских либеральных реформ на развитие социологии было многократно усилено импортом социологической фразеологии с Запада. С 1957 по 1961 гг. только Институт философии в Москве посетили 217 иностранных философов и социологов [3]. В определенной мере и советская социология изготавливалась «на экспорт». Именно «на экспорт» в июне 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация.

К началу 60-х гг. в стране активно проводились «конкретные исследования». Сектор исследования новых форм труда и быта в Институте философии (руководитель Г. В. Осипов) изучал трудовые коллективы московских заводов; начиналось исследование отношения к труду ленинградских рабочих (В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов); большой успех был достигнут уральскими социологами (М. Н. Руткевич),

* Автор главы выражает благодарность профессору Х. Штайнеру за возможность ознакомиться с русским оригиналом данной публикации.

которые завершили крупное исследование промышленных предприятий свердловского совнархоза и выпустили книгу о культурно-техническом развитии рабочего класса. Эта работа получила одобрение и поддержку в высоких политических инстанциях. Впервые в академических кругах стал обсуждаться вопрос о создании социологического института. Инициатором этого дела был М. Т. Иовчук — опытный и осторожный идеологический функционер, особо покровительствовавший уральцам.

Атмосфера хрущевской оттепели вызвала социологическое реформаторство. Задача ускоренного построения коммунизма требовала «новых людей», и социологи должны были создать методологию воспитания «нового человека». Это был удобный случай завоевать идеологический и институциональный плацдарм. Первой послевоенной публикацией, где ставился вопрос о самостоятельном развитии социологии в связи с наблюдаемыми статистическими закономерностями, была статья В. С. Немчинова, крупного экономиста и политика, которому удалось сохранить интеллектуальную независимость. Он декларировал инженерно-социологическую интерпретацию социологической науки, усматривая в ней альтернативу идеологической риторике исторического материализма. В центре его интерпретаций стояли ключевые статистические понятия «индивидуальной величины» и «статистического факта» [30, с. 22, 23, 26]. Шокирующим было заявление Немчинова, что при социализме социологи и экономисты превращаются в своеобразных «социальных инженеров». Свой доклад на заседании Президиума Академии наук СССР 23 декабря 1955 г. Немчинов построил на различении «общих законов развития общества» и «индивидуальных элементов общества». В последнем случае объектом социологического исследования становятся не спекулятивные «сущности», а массовые процессы. Конечно же, речь шла о возможном разделе сфер влияния в общественных науках: пусть идеологи занимаются «общими закономерностями», а ученые — массовыми процессами. Немчинов немало лет стоял во главе Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, и философы, вероятно, надоели ему хуже горькой редьки.

В 1960-е гг. социология была на подъеме*. В массовом сознании того времени преобладала научно-техническая экзальтация. Дискуссия между «физиками» и «лириками» явно завершалась победой «физиков». Постепенно формировалась технократическая идея научного управления обществом (неявная альтернатива стратегии и тактике классовой

*Состояние социологических исследований в середине 1960-х гг. отражено в [40]. Аналитические обзоры этого периода содержатся в [46], [51] — [53], [55] — [57]

борьбы). Социология удачно вписывалась в «научную» версию коммунистического строительства — ее задача заключалась в информационном обеспечении формирования нового человека и перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические. Укрепить позиции социологии можно было только ограничив диктат идеологов в Академии наук. Дискуссия о предмете социологии и ее отличии от исторического материализма, которую Питер Бергер удачно назвал «семейной склокой» [45], продолжалась с выступления в «Вопросах философии» Ю. Кучинского вплоть до 1990 г., когда советский марксизм угас. В конце 1950-х гг. возникла особая линия в осмыслении предмета социологии — она была представлена польскими «ревизионистами» Л. Колаковским, Е. Вятром и З. Бауманом — они недвусмысленно требовали освободить социологическую науку от идеологии.

В 1960-е гг. наблюдалось относительно автономное развитие по меньшей мере трех линий в социологической мысли. Первая из них — «критика буржуазной социологии». Жанр «критики», который воспринимался западными советологами как клинический симптом идиотизма, заключал в себе некоторую амбивалентность. Если не считать обидных эпитетов в адрес буржуазии, критика сводилась к утверждению, что взгляды критикуемых персон враждебны подлинно научной социологии марксизма. Особой ошибки в такого рода утверждениях не содержится. С другой стороны, «критики» постоянно работали с источниками и благодаря этому обстоятельству транслировали западные идеи на советскую аудиторию. Можно сказать, они строили деревянного коня для коммунистической Трои. То, что «критик» не мог сказать открыто, он выражал путем реферирования и публикации текстов идейного врага. Этот жанр сформировал внутри научного сообщества обществоведов отчетливо распознаваемый «незримый колледж» людей, включенных в мировую интеллектуальную традицию. Минусом жанра можно считать подмену исторического исследования переложением идейного наследия вперемешку с собственными оригинальными мыслями.

Вторая линия в социологии представлена академиком В. С. Немчиновым и его командой «математических экономистов» — отсюда начиналась математическая социология (А. Г. Аганбегян, Ю. Н. Гаврилец, Ф. М. Бородкин).

И третья линия была связана с «теорией научного коммунизма» (такая специальность была введена в 1963-64 гг.), которая занималась политико-воспитательной деятельностью в вузах и одновременно развивала собственные социологические программы, весьма специфические «Научный коммунизм» не имел институциональной базы в Академии наук. Попытки завотделом научного коммунизма Института фило-

софии Ц. А. Степаняна обосновать необходимость создания Института научного коммунизма вызвали резкое противодействие президента М. В. Келдыша и «научно-коммунистическая» социология развивалась в рамках партийных структур и кафедр общественных наук в высших учебных заведениях.

Тематическая программа социологических исследований была изначально связана с задачами идеологической работы. На Всесоюзной конференции по конкретным социологическим исследованиям в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1966 г. будущий заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников предлагал создать партийно-государственную структуру социологических центров в СССР [32], и партийные инстанции видели в социологии новый эффективный способ идеологической деятельности на научной основе.

§ 4. Социологический ренессанс

25 февраля 1966 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований». В Академии был создан Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, сектор исследования новых форм труда и быта в Институте философии преобразовался в отдел конкретных социальных исследований. В Институте экономики была организована лаборатория социально-экономических и демографических проблем, сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР был создан в Институте этнографии, а в Институте государства и права — лаборатория социально-правовых исследований. Центральному экономико-математическому институту поручалась разработка математических моделей социальных процессов [34]. Прорабатывался вопрос о создании социологического института на базе осиповского отдела в Институте философии. В 1966 г. Г. В. Осипов был назначен президентом Советской социологической ассоциации.

Социологическими исследованиями в стране занимались по официальной, вероятно, завышенной, оценке две тысячи специалистов [34]. К этому времени был накоплен немалый опыт социологической работы. Проводились исследования общественного мнения и аудиторий центральных газет (Б. А. Грушин, В. Э. Шляпентох), ленинградский проект «Человек и его работа» (руководитель В. А. Ядов) в течение десятилетий служил методологическим эталоном для социологов, в Новосибирске активно изучались профессиональные ориентации школьников (В. Н. Шубкин), начал выпускаться сериальный сборник «Социальные исследования» — и, вообще, социологическая библиотека насчитывала уже несколько десятков наименований. От массы обществоведческой литературы социологические публикации отличались

не столько по тематике («проблемы труда и быта» могли означать что угодно), сколько по особому идейному настрою — они были настроены на свободу личностного выбора. Именно идея свободы выбора лежала в основе одной из самых известных книг по социологии: И. С. Кон «Социология личности» (1967).

Новый этап в развитии советской социологии начинается в 1968 г. — создается *Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР*, директором которого стал академик А. М. Румянцев, вице-президент Академии наук*. С 1968 по 1971 г. в Институте развертывались серьезные социологические проекты, результаты которых представлены в «Информационных бюллетенях ИКСИ АН СССР». Этот период можно с некоторой условностью назвать расцветом советской социологии. Научно-исследовательская работа в ИКСИ была организована по «проектной» системе. «Проект» объединял группу специалистов для решения конкретной проблемы. Проекты объединялись в «направления». Направлений было три: 1) социальной структуры и социального планирования; 2) управления социальными процессами; 3) история социологии. Первое направление возглавлялось Г. В. Осиповым, второе — Ф. М. Бурлацким, третье — И. С. Коном. К осени 1969 г. Институт провел помимо своих академических исследований около двадцати опросов для ЦК КПСС, Московского горкома партии и других партийных органов. Положение Института было двойственным. С одной стороны, он был частью идеологических учреждений партии, с другой — чужеродным элементом. Высокий интеллектуальный потенциал института, атмосфера восторженности и ожидания чудесных открытий, напряженные личные отношения, подозрения со стороны руководящих инстанций — все это делало ситуацию крайне нестабильной.

Партийно-идеологическая атака на институт началась осенью 1969 г., когда были подвергнуты жесткой критике «Лекции по социологии» Ю. А. Левады [22]. Второй сеанс атаки был посвящен книге «Моделирование социальных процессов» [29]. Есть версия, что партократия не могла принять либерализма и свободомыслия социологов. Однако обстоятельства реорганизации Института более сложны, чем эта схема. В обстановке социологической эйфории и энтузиазма многие интеллектуалы недвусмысленно декларировали приоритет «научной социологии» над философским словоблудием [35]. В качестве альтернативы «философии» фигурировали структурно-функциональный анализ и математика. Хотя даже самые отчаянные социологи не были диссидентами, но некоторые из них даже при желании не могли скрыть

* История этого учреждения рассмотрена в [33].

пренебрежительного превосходства над идеологами. Вероятно, атака была вызвана не случайным инцидентом («Лекции» Левады не были причиной противостояния), а накопившейся напряженностью в отношениях между «умниками» и «партийцами». Позиционный конфликт внутри профессионального сообщества социологов неминуемо вел к радикальным изменениям в расстановке сил.

В 1972 г. Институт возглавил М. Н. Руткевич, которого многие либералы считают агентом партийно-идеологического аппарата [51, с. 114], [56, с. 46]. Действительно, обладая железной волей и упорством бульдозера (так его называли в кулуарах), Руткевич полностью перестроил программу института. Из ИКСИ уволились десятки сотрудников. Прошло немного времени, и Руткевич со свойственной ему решимостью вступил в прямой конфликт с идеологическим ментором Академии П. Н. Федосеевым (повод конфликта был несопоставим с поставленным на карту) и был отстранен от руководства Институтом в 1976 г.

В целом, 70-е и 80-е гг. можно квалифицировать как период «социологической диаспоры»: «храм» был разрушен, разрозненные группы специалистов работали в меру своих сил и возможностей. Впрочем, несмотря на разгром, почти все интеллектуалы имели достаточно высокий статус в академической структуре и, за исключением Левады, ставшего символом социологического инакомыслия, могли публиковать свои работы.

К началу 80-х гг. отмечено существенное снижение количества эмпирических социологических исследований — почти вдвое, в 1983 г. зафиксировано 99 завершенных исследований по всей стране [43, с. 2].

В 1974 г. начал выходить единственный в СССР профессиональный журнал «Социологические исследования» (главным редактором с 1974 по 1986 гг. был А. Г. Харчев). Редакции удавалось сохранять идеологический нейтралитет и публиковать достаточно квалифицированные статьи, хотя цензура вмешивалась практически в каждый номер и материалы систематически контролировались ЦК КПСС.

С 1976 по 1988 гг. Институт социологических исследований АН СССР работал в атмосфере запуганности и профессиональной деморализации. В. Э. Шляпентох имеет основания назвать эти времена «веком серости», однако и тогда происходило быстрое накопление методологического опыта и формирование профессионального сообщества. В. А. Ядов и его сотрудники в Ленинграде выпустили монографию по измерению ценностных ориентаций, в которой была развита диспозиционная концепция социального поведения личности [36]; новосибирская школа Т. И. Заславской получила интересные результаты в области системного анализа сельских регионов [14], [39]; заметным событием стал выпуск в Новосибирске сборника «Математика в социологии», в

котором опубликованы работы ведущих зарубежных и советских специалистов по математической социологии [25]; оригинальные социологические работы были опубликованы в Киеве, Свердловске, Таллине, и даже многим москвичам удавалось кое-что сделать. Нет худа без добра. Особенностью мрачных и спокойных брежневских времен было осознанное отстранение профессионалов от политического активизма и принятие самодостаточных научных ценностей. В этом отличие поколения 70-х гг от политически активных социологов-шестидесятников. В научном этосе нового поколения стала доминировать политическая атаксия. При этом социология меньше ассоциировалась с книжным знанием, а больше с проведением опросов и подсчетом респондентов, как говорил Пауль Лазарсфельд, «по носам». Последующие события вызвали переоценку и идеологических и научных ценностей дисциплины, в частности, обнаружилось, что социология вполне может обойтись без теоретической доктрины.

Влияние горбачевских политических реформ на советскую социологию до 1988 г. было незначительным. Оно проявлялось скорее в квазидемократической фразеологии и осторожном нарастании критической экзальтации в печати. Обществоведы искали пути приспособления к новому политическому лексикону, не сомневаясь в прочности режима, который претерпевал очередную болезненную ротацию. Цензура постепенно расширяла границы дозволенного. Но тематика исследований и статус научных сотрудников, как и раньше, контролировались Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и непосредственно в Академии наук Отделением философии и права.

§ 5. «Перестройка» в социологии

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистской социологии в решении узловых проблем советского общества» [31, с. 98]. Главные результаты постановления заключались в том, что в номенклатуре научных специальностей «социология» была отделена от «философии» и Институт получил новое название Институт социологии АН СССР. Смена названия рассматривалась как получение дисциплинарной автономии, хотя ситуация зависела от смены социологического руководства. Назначение В. А. Ядова директором-организатором Института социологии можно назвать «узурпацией власти». Имея высокий профессиональный и моральный авторитет и будучи либералом по убеждениям, Ядов не входил в научно-политическую иерархию, работая последние годы ведущим научным сотрудником Ленинградского филиала Института истории естествознания и техники АН СССР. Его назначение было одной из важных акций по

реорганизации советской социологии, предпринятых либерально настроенными интеллектуалами в Академии наук и в ЦК КПСС.

Отказавшись от традиционной системы административного планирования исследований, новый директор-организатор Института социологии предоставил научным сотрудникам свободу в выборе темы исследования («проекта»). Административная структура Института тем самым была существенно ослаблена. Кроме того, произошло внутреннее разделение Института на направления. Одно из них возглавил В. А. Ядов, другое — Г. В. Осипов.

Одним из последствий «перестройки» в Академии наук стали выборы директоров коллективами институтов с последующим утверждением отделениями Академии. Весной 1989 г. состоялись выборы директора Института социологии. За Ядова проголосовали 64% сотрудников и он стал полноправным директором Института социологии на 5 лет. В начале 1991 г. Институт социологии разделился и Г. В. Осипов возглавил вновь созданный Институт социально-политических исследований АН СССР. Это событие институционализировало распределение «групп интересов». Профессиональное сообщество также разделилось. Г. В. Осипов организовал Российское общество социологов и демографов, а В. А. Ядов возглавил Российское общество социологов. Указанные изменения происходили на фоне заметного роста популярности социологической науки и борьбы за лидерство в научном и политическом сообществе.

В конце 1980-х гг. возникла принципиально новая для советской системы институция — Всесоюзный центр изучения общественного мнения (директор Т. И. Заславская, затем Ю. А. Левада), ставший бесспорным лидером в массовых опросах.

Существенные изменения произошли и в региональной структуре советской социологии. Обострение национально-политических проблем повлияло на работу социологических школ не только в балтийских странах, но и в Армении, Азербайджане, на Украине. Социологи приняли активное участие в политических движениях. Съезд Советской социологической ассоциации в январе 1991 г. (этот съезд завершил историю ССА) обнаружил, что либерально-демократическому крылу советских социологов не удалось организационно консолидироваться. Ассоциация фактически прекратила существование.

О новой расстановке сил в профессиональном сообществе свидетельствует, в частности, выдвижение кандидатур на выборы в Академию наук СССР осенью 1990 г. Среди 41 кандидатуры в члены-корреспонденты и 8 кандидатур в действительные члены Академии, выдвинутых по Отделению философии и права, по крайней мере 12 человек имели непосредственное отношение к социологической науке. Кандидатами

в члены-корреспонденты были И. И. Антонович, Е. М. Бабосов, Н. М. Блинов, А. В. Дмитриев, В. И. Добреньков, Г. Т. Журавлев, А. Г. Здравомыслов, В. С. Коробейников, В. И. Староверов, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов [9, с. 129, 153, 154]. Никто из социологов, однако, успеха не добился, кроме Г. В. Осипова, который стал академиком.

В 1994 г. на выборах в Российскую академию наук было зарегистрировано 30 кандидатов, из них по крайней мере 9 социологов: А. В. Дмитриев, А. К. Зайцев, В. Н. Иванов, В. О. Рукавишников, Л. Л. Рыбаковский, В. И. Староверов, Ж. Т. Тощенко, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов [10, с. 81, 93, 94]. Членом-корреспондентом РАН был избран А. В. Дмитриев (заместитель академика-секретаря и главный редактор «Социологических исследований»).

Примечательная черта институциональных преобразований в советских общественных науках в 1990-е гг. — массовое переименование кафедр научного коммунизма в высших учебных заведениях. Крах коммунистического режима вызвал к жизни радостный отказ студентов от изучения теории научного коммунизма, истории КПСС и политической экономии как обязательных дисциплин. Институты и университеты, получив относительную свободу в формировании учебных программ, легко пошли на сокращение общественнонаучных кафедр. Около тысячи кафедр научного коммунизма столкнулись с угрозой исчезновения и, чтобы избежать увольнений, стали срочно менять учебные планы и переименовываться в кафедры социологии, политологии и культурологии.

Еще в начале 1990-х гг. система высшего образования в «постсоветском пространстве» предусматривала преподавание обязательного цикла обществоведческих дисциплин, цель которых заключалась не только в усвоении содержания экономических, социальных и политических вопросов, но и в формировании широкого интеллектуального и мировоззренческого горизонта учащихся. Значение марксистской идеологической доктрины, которая активно реформировалась в постсталинский период, сводилось к оперированию политической риторикой, представленной преимущественно в официально утвержденных учебных пособиях. Фактически же преподавание экономики, социологии и политической науки осуществлялось на основе индивидуального научно-педагогического опыта преподавателей и характеризовалось значительным тематическим многообразием. Когда идеологический контроль в начале 1990-х гг. был снят и утвердились академические свободы, преподавание экономики, социологии и политической науки без особых трудностей освободилось от марксистского идеологического лексикона. При этом сохранился традиционный для российской интеллектуальной культуры импульс к развертыванию теоретических схем и

рациональных реконструкций реформационного процесса в стране. В той мере, в какой общественная наука связана с нормативными «паттернами» и ценностями, в центре образовательных программ остаются социально-экономические и культурные ориентиры «постсоветского» общества. Соответствующим образом организован и тематический диапазон основных курсов, имеющих академическую направленность. Если в качестве центральной темы политэкономических дисциплин достаточно отчетливо определилось становление рыночной экономики и ее сочетание с регулятивной функцией государства, то в фокусе социологических курсов — изменения в социальных идентификациях и формировании новых элит.

В 1990-е гг. произошли радикальные изменения в формах консолидации и воспроизводства научного сообщества. Традиционная модель советской науки основывалась на высоком престиже интеллектуальных ценностей. Помимо интеллектуального достоинства, «олимпийская» позиция социолога обеспечивалась его статусом государственного служащего и твердым жалованием. При этом академическим сотрудникам было запрещено вести коммерческие исследования. В 1990-х гг. академическая наука быстро усвоила рыночные приоритеты. В стране сформировался рынок социологических услуг, созданы десятки социологических фирм. Эту сферу социологической работы, где действуют вне-научные нормы и приоритеты, можно назвать «гешефт-социологией».

Изменения в тематике социологических исследований в 90-е гг. были обусловлены прежде всего идеологическими обстоятельствами. На протяжении десятилетий советская социология находилась под идеологическим диктатом и сама являла научный перифраз «идеологического разума». Как и все служанки, «*ancilla ideologiae*» очень похожа на свою госпожу. И концептуальный аппарат, и схемы научного вывода, и риторика дисциплины повторяли политические клише и зависели от декларированных в газетах идеологем.

С 1960-х гг. наиболее престижной областью социологии считалась методика исследований. Уровень профессиональной подготовки методистов значительно превосходил возможности «средних» советских социологов и идеологический диктат в этой области осуществлялся эпизодически. В 1990-е гг. методисты утратили приоритетное положение. Эта специальность стала экономически неэффективной и серьезные публикации по методике социологических исследований появляются от случая к случаю. Опубликованный в 1990 г. комpendium по методам сбора социологической информации [28] явился своеобразным итогом систематической методической работы, проводимой при советском режиме. Попытка реанимировать методическую специализацию в

социологии связана с выпуском сериального издания «Социология: 4М (методология, методы, математические модели)».

Достаточно обособленным направлением в общественных науках является история социологии. Сектор истории социологии в Институте социологии (Ю. Н. Давыдов) специализирован на подготовке монографий по истории общественной мысли. В 1990-е гг. начата работа по академическому изданию классических западных и русских трудов по социологии. Вышли избранные сочинения М. Вебера, С. Н. Булгакова, Н. К. Кондратьева, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, В. Зомбарта и др.

В рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России» (Фонд «Культурная инициатива» и Институт «Открытое общество») осуществляется выпуск учебников, учебных пособий и хрестоматий, в том числе по социологии. К 1995 г. опубликованы учебники Г. М. Андреевой «Социальная психология», М. С. Комарова «Введение в социологию», С. С. Фролова «Социология», «Очерки по истории теоретической социологии XIX — начала XX веков» (отв. редактор Ю. Н. Давыдов), хрестоматия по социологии религии (составители В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич), учебник В. В. Радаева, О. И. Шкаратана «Социальная стратификация». Особое направление издательской программы — переводы западной литературы на русский язык. Опубликованы учебники Н. Смелзера «Социология» и Э. Гидеяса с таким же названием, готовятся к изданию «Рессентимент» М. Шелера, «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт, избранные сочинения Т. Парсонса, книги З. Баумана «Мыслить социологически», П. Бергера «Приглашение в социологию», монография П. Штомпки «Социология социальных изменений» и др. Несмотря на нерентабельность научных изданий репертуар социологической литературы существенно улучшился. Доминировавшие в начале 1990-х гг. перепечатки и репринты уступают место оригинальным, качественно выполненным монографиям. Продолжают регулярно выходить в свет академические журналы. В 1994 г. Институт социологии РАН начал издавать кварталный «Социологический журнал».

Среди вновь созданных исследовательских учреждений заметную роль играют Междисциплинарный академический центр социальных наук — Интерцентр (сопредседатели Т. И. Заславская, Т. Шанин) и Московская высшая школа социальных и экономических наук при Академии народного хозяйства. Центр поддерживает многообразные научные проекты по социологии, экономике, политологии, истории, издает альманах «Tesis», основное содержание которого составляют переводы западных публикаций. Крупномасштабное лонгитюдное исследование отношения населения к социально-экономической реформе ведется Интерцентром совместно с ВЦИОМом под руководством

Т. И. Заславской. Результаты работы публикуются в информационном бюллетене «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения» [27, с. 211, 212].

О тематических приоритетах постсоветской социологической науки косвенным образом свидетельствует распределение докторских диссертаций по основным специальностям. В 1992 г. по методам социологических исследований была защищена только одна диссертация — Г. И. Саганенко «Уровни эмпирической доказательности в социологии». По теории, методологии и истории социологии защищено одиннадцать докторских работ и по другим социологическим дисциплинам — двадцать восемь диссертаций. В последующие годы число докторских защит уменьшилось примерно в два раза.

В 1995 г. в стране было создано принципиально новое учебное заведение — Российский центр гуманитарного образования. Подготовка специалистов ведется на базе институтов Академии наук.

В 1990-е гг. тематический репертуар исследовательских проектов в значительной степени определяется возможностями получения грантов либо коммерческих заказов. В 1994 г. создан Российский гуманитарный научный фонд, ежегодно предоставляющий гранты сотням исследователей. Программа деятельности социологического сообщества России постепенно переориентируется на решение академических проблем, относительно независимых от политической конъюнктуры.

* * *

Развитие российской социологии в последнее десятилетие XX в. проходит под знаком нарастающей диверсификации. Диверсификация выражается прежде всего в возникновении множества социологических институций, занятых сбором и анализом текущей социальной и политической информации. Академическая социология находится в более неопределенном положении. Не обладая ресурсами для самостоятельного существования, она представляет собой скорее престижное интеллектуальное занятие, чем стабильную профессиональную деятельность. В то же время постсоветская социология сохраняет преимущество с предшествующей научной традицией и продолжает выполнять важную роль в конституировании общественного самосознания.

Л и т е р а т у р а

1. Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 14.
2. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 381. Л. 7, 8.
3. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 669. Л. 77.
4. Биографии русских и советских социологов: К 70-летию Октябрьской революции, 1917 - 1987, т. 1, 2 / Под ред. Р.-Л. Винклер и З. Т. Голенковой. Берлин:

- Институт социологии и социальной политики Академии наук ГДР; Институт социологии АН СССР, 1987.
5. Богданов А. А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб.: Типография «В. Безобразов и К°», 1908.
 6. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип. Варшава: Добро, 1929.
 7. Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Госиздат, 1921.
 8. В Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1957, № 1.
 9. Вестник Академии наук СССР. 1990, № 11.
 10. Вестник Российской академии наук. 1994, № 1.
 11. Голосенко И. А. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX — начала XX веков: Библиографический указатель. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1984.
 12. Гортер Г. Исторический материализм / Пер. с нем. и предисл. И. Степанова. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924.
 13. Енчмен Э. Теория новой биологии и марксизм, вып. I. Пг.: Наука и труд. Типография рабфака Петербургского университета, 1923.
 14. Заславская Т. И. К методологии системного изучения деревни // Социологические исследования. 1975, № 3.
 15. Карев Н. А. Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма // Под знаменем марксизма. 1930, № 5.
 16. Козлова Л. А. Институт красной профессуры (1921-1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994, № 1.
 17. Константинов Ф. В. Против догматизма и начетничества // Вопросы философии. 1950, № 3.
 18. Константинов Ф. В. Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936, № 2.
 19. Коэн С. Бухарин: Политическая биография: 1888—1938 / Пер. с англ. Ю. Четвергова, Е. Четвергова, В. Козловского. М.: Прогресс, 1988.
 20. Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5.
 21. Лаппо-Данилевский А, С. История русской общественной мысли и культуры: XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1990.
 22. Левада Ю. А. Лекции по социологии. Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР. Вып. 20, 21. М., 1969.
 23. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1.
 24. Ленинский сборник. Вып. XI. М., Л.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б), 1929.
 25. Математика в социологии: Моделирование и обработка информации / Под ред. А. Г. Аганбегяна, Х. Блейлока, Ф. Бородкина, Р. Будона, В. Капекки. М.: Мир, 1977.
 26. Медушевский А. Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
 27. Междисциплинарный академический центр социальных наук — Интерцентр // Социологический журнал. 1994, № 1.

28. Методы сбора социологической информации / Под ред. В. Г. Андреевкова и О. М. Масловой. В 2 т. М.: Наука, 1990.
29. Моделирование социальных процессов / Под ред. Э. П. Андреева и Ю. Н. Гаврильца. М.: Наука, 1970.
30. Немчинов В. С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955, № 6.
31. О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества // Социологические исследования. 1988, № 5.
32. Проблемы научного коммунизма, вып. 2. М.: Мысль, 1968.
33. Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968-1972 годы // Социологический журнал. 1994, № 3.
34. Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1966, № 5.
35. Российская социологическая традиция 60-х годов и современность: Материалы симпозиума / Под ред. В. А. Ядова. М.: Наука, 1994.
36. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
37. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Ярославль: Издательство Ярославского кредитного союза кооперативов, 1920.
38. Сорокин П. А. Состояние русской социологии за 1918-1922 гг. // Новая русская книга: Ежемесячный критико-библиографический журнал. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1922, № 10.
39. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / Под ред. Т. И. Заславской и И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1980.
40. Социология в СССР, в 2 т. М.: Мысль, 1966.
41. Сталин И. В. Об оппозиции. М.: Госиздат, 1928.
42. Федосеев П. Н. Проблема мирного сосуществования в социологических исследованиях и в преподавании социологии // Вопросы философии. 1958, № 4.
43. Эмпирические социологические исследования в СССР: Каталог. 1981—1982. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1985.
44. Энгель Е. А. Очерки материалистической социологии. М., Пг.: Изд-во А. Д. Френкель, 1923.
45. Berger P. Marxism and sociology: view from Eastern Europe. N.-Y.: Meredit Corporation, 1969.
46. Feuer L. A narrative of personal events and ideas // Philosophy, history and social action: Essays in honour of Lewis Feuer / Ed. by S. Hook, W. O'Neill, R. OToole. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988.
47. Greenfeld L. Soviet sociology and sociology of Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988, № 14.
48. Hecker J. Russian Sociology. N.-Y.: Augustus M. Kelley Publishers, 1969.
49. Hough J. The Soviet Union and social science theory. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
50. Kelle W. Über zurückliegende Polemic // Kuczinski J. Zeitgenosse. Berlin: Elefant Press, 1994.

51. Novikov N. The sociological movement in the USSR (1960-1970) and the institutionalisation of Soviet sociology // *Studies in Soviet Thought*. Dordrecht-Boston: Reidel Publishing Company, vol. 23, N° 2. February 1982.
52. Roucek J., Mohan R. Contemporary sociology in the Soviet Union / R. Mohan, D. Martindale, eds. // *The handbook of contemporary developments in world sociology*. Westport: Greenwood Press, 1975.
53. Science and ideology in Soviet society / G. Fischer, ed. N. Y.: Atherton Press, 1967.
54. Shalin D. Sociology for the Glasnost' Era: Institutional and substantive changes in recent Soviet sociology // *Social Forces*. 1990. June, vol. 68, № 4.
55. Shalin D. The development of Soviet sociology: 1956-1976 // *Annual Review of Sociology*. 1978, vol. 4.
56. Shlapentokh V. The politics of sociology in the Soviet Union. Boulder Westview Press, 1987.
57. Social thought in the Soviet Union / A. Simirenko, ed. Chicago: Quadrangle Books, 1969.
58. Weinberg E. The development of sociology in the Soviet Union. London: Routledge and Kegan Poul, 1974.